

Чжу Линсы в одночасье полностью растерялся. С тех пор как он оказался в Поздней Мин, Се Цзин ни разу не покидал его на столь долгий срок. Ему и в голову не приходило, что Се Цзин действительно бросит его.

В книгах не было написано, что Се Цзин внезапно покинет столицу. В его памяти Се Цзин всегда был чиновником в столице, постоянно сражаясь с глупым правителем и назойливыми оппонентами, всегда стоя рядом со своим учителем Сюй Чэном.

Ха, ха, ха! Чжу Линсы не смог сдержать смеха, и слёзы покатались по его щекам. В книгах глупый император не смог заставить Се Цзина покинуть столицу, а он, Чжу Линсы, сделал это с лёгкостью.

И он ещё думал, что как император он неплохо справляется? Теперь стало ясно, что он просто другой чудак.

С тревогой в сердце он вызвал 4848, чувствуя, что у того плохое настроение, что было слышно по тону.

Чжу Линсы больше всего беспокоился о баллах симпатии. Он потратил десять лет, чтобы набрать 80 очков, и они ни в коем случае не должны были пропасть.

[4848: Не знаю.]

Чжу Линсы удивился:

— Ты же система, что ты ещё можешь?

[4848: Человека здесь нет, как я могу измерить?]

— Неужели ты даже GPS не можешь установить?..

Услышав это, 4848 разозлился:

[4848: Здесь Поздняя Мин, задействуй свои мозги, есть ли здесь спутниковое покрытие?]

— Но...

[4848: Ладно, я сказал, что упал. Верь или нет.]

Его попытка использовать 4848 для получения информации о Се Цзине полностью провалилась.

Доклады, присланные Се Цзином, были описаниями его путешествий: погода, цены на рис и муку, размеры усадеб, товары в магазинах с юга на север. Если было что сказать, то он писал много, если нет — коротко. Это полностью соответствовало его практичному характеру.

Хотя начало всегда было «Ваш слуга докладывает», а конец — «Смиренно желаю вашему величеству здоровья», это было далеко от того письма, которое Чжу Линсы хотел получить от него.

Се Цзин почти ничего не писал о себе. Чжу Линсы предполагал, что он иногда останавливался в почтовых станциях, чаще — в гостиницах, а может, и в других местах, которые он сам никогда не видел.

Се Цзин был равнодушен к еде, но любил выпивать. Теперь, оказавшись на воле, он мог пить сколько угодно. Беспokoясь о его здоровье, Чжу Линсы долго думал, прежде чем написать в докладе Се Цзина длинное послание, в конце которого добавил:

— Пожалуйста, не злоупотребляйте алкоголем.

Когда Се Цзин прислал следующий доклад, в нём снова было «Ваш слуга докладывает» и «Смиренно желаю вашему величеству здоровья». Чжу Линсы сидел на мягком диване в Павильоне Вэньхуа, обтянутом жёлтым шёлком, и чуть не прожёл взглядом доклад, но так и не нашёл ни слова о себе или императоре.

Лу Шэн сказал:

— Как Се Цзин может быть таким неблагодарным? Дайте ему немного уважения, и он тут же вознесётся.

Говоря это, он посмотрел на выражение лица императора.

Чжу Линсы лишь горько усмехнулся. Без Се Цзина ему приходилось принимать все решения самому, и не с кем было посоветоваться. Он всегда боялся ошибиться, но теперь, если он ошибётся, Се Цзин не вмешается.

Сюй Чэн, хотя и был недоволен тем, что император без предупреждения отправил Се Цзина в командировку, ничего не мог поделать. Видя, как император ежедневно мучается на аудиенциях, он не мог не поддержать его несколькими словами. Чжу Линсы был благодарен, но чувствовал себя совершенно беспомощным. Каждую ночь он не мог уснуть, глядя на жёлтый балдахин над головой и бормоча:

— Господин Се, если тебя здесь нет, а я стану глупым императором, что же будет?

Едва наступил октябрь, как в столице пошёл снег. Чжу Линсы написал ответ на доклад Се Цзина, спрашивая, не хочет ли он вернуться в столицу, но Се Цзин снова не ответил.

Однако были и хорошие новости. Например, Цао Цзюньши из Фуцзяня, хоть сам и не приехал, отправил своего сына Цао Фэна на аудиенцию к императору.

Конечно, Цао Фэн приехал не с пустыми руками. Он поспешил добраться до столицы до снегопада, чтобы преподнести императору тридцать пушек, произведённых Литейным двором Миньдун.

Для их проверки Чжу Линсы специально вызвал Ли Сяньда с северо-запада. Когда все собрались, 20 октября император со свитой отправился на охотничьи угодья за пределами столицы.

Новые пушки были немногим больше телеги, их металлическая поверхность сверкала холодным блеском. Цао Фэн держал снаряд в руках, предлагая императору осмотреть его. Чжу Линсы кивнул, и Цао Фэн приказал загрузить снаряд в тёмный ствол.

Заранее построенные укрепления были залиты холодной водой и за ночь превратились в неприступную крепость. Цао Фэн и его помощники осмотрели их, быстро рассчитав расстояние. Увидев это, Лу Шэн встал перед императором:

— Ваше величество, лучше отойти подальше.

Услышав это, министры незаметно отступили на несколько шагов.

На лице Цао Фэна не было ни тени эмоций. Ему было всего двадцать лет, с узким лицом и глазами-фениксами, что придавало ему строгий вид. Он вырос в Землях Минь, с детства учился литейному делу вместе с отцом и никогда не видел столько важных персон, поэтому выглядел немного неуклюже.

Но как только его рука коснулась пушки, взгляд стал жёстким и решительным. Рассчитав расстояние, он отдал приказ, и снаряд вылетел из ствола, ударив в укрепления и мгновенно превратив их в пыль. Камни разлетелись во все стороны, и все прикрыли лица рукавами, лишь через некоторое время опустив их.

— Ваше величество, смотрите, — сказал Цао Фэн.

Он снова приказал зарядить пушку, продвинулся вперёд и выстрелил в сторону скалы, превратив её в руины. Ло Вэйминь, увидев это, сказал:

— Если бы этим стрелять по стенам...

В его глазах появилось восхищение.

Но Ли Сяньда возразил:

— Нужно сделать несколько выстрелов. В битве не стреляют один раз и останавливаются.

Цао Фэн, ничего не говоря, снова приказал зарядить пушку и выстрелил в гору три раза. Чжу Линсы прикрыл уши, Лу Шэн одной рукой прикрыл свои, а другой — императора, но этого не хватило.

Ли Сяньда, увидев, что всё в порядке, подошёл и потрогал ствол, улыбнувшись Цао Фэну:

— Цао Цзюньши — настоящий мужчина, он действительно сделал это.

Услышав это, Цао Фэн почувствовал тепло в глазах и поклонился.

Цао Цзюньши на этот раз не приехал, и из слов Цао Фэна стало ясно, что его отец болен, и это может повлиять на его внешний вид.

Учёные в Поздней Мин не могли занимать должности, если имели серьёзные физические недостатки. Если кто-то был без руки или ноги, он не мог предстать перед императором. Однако это было лишь предположение императора, Цао Фэн не сказал этого прямо. Но, говоря об отце, в глазах этого неуклюжего юноши появилась глубокая печаль.

Чжу Линсы чувствовал себя плохо, но не мог показать этого, лишь похвалил отца и сына Цао и Литейный двор Миньдун. Но Цао Фэн сказал:

— Есть ещё кое-что.

Он приказал повесить три медных гонга, и все подумали, что сейчас будет стрельба из лука. Но он достал небольшое устройство, размером всего в две ладони, с рукоятью, которая надевалась на пальцы, и тонкой металлической трубкой, направленной на центральный гонг.

Командир Лагерь Шэньцзи громко рассмеялся, сравнив это устройство с их ружьями и пистолетами, как детскую игрушку.

Цао Фэн прищурил один глаз, поднял руку, и Чжу Линсы заметил, что его рукава были намного короче, чем у других, для удобства, что совсем не соответствовало образу сына чиновника.

Раздался выстрел, и гонг звонко зазвенел, продолжая вибрировать, создавая гул.

Цао Фэн снова поднял руку и выстрелил в два других гонга. Когда три выстрела были завершены, он показал поверхность гонга, на которой было только одно чёткое круглое отверстие. Цао Фэн улыбнулся:

— Ну как, хотите сравнить с ружьём?

Все поняли, что этот маленький пистолет, меньше половины ружья, обладает огромной мощностью. Командир Лагерь Шэньцзи мгновенно изменился в лице:

— Племянник Цао, сколько таких устройств ты привёз?

Узнав, что Цао Фэн привёз шестьдесят штук, Лагерь Шэньцзи и Лагерь Пяти Армий начали спорить. Чжу Линсы не ожидал, что Цао Цзюньши преподнесёт ему такой сюрприз, создав «пистолет», что стало прорывом в Поздней Мин.

Он планировал распределить эти шестьдесят пистолетов и патроны между флотами Шаньдуна, Чжэцзяна и Фуцзяня для использования на фронте против японских пиратов, но не ожидал, что столичные чиновники уже всю спорят за них.

Лагерь Пяти Армий обвинил Лагерь Шэньцзи в том, что у них уже есть ружья, пушки, а теперь они хотят и пистолеты, словно они не являются одним из трёх главных лагерей. Стража в парчовых халатах также вмешалась, заявив, что такое оборудование идеально подходит для их формы, и разве они, как прямое подразделение императора, не могут его использовать?

<http://bllate.org/book/16200/1454162>